

Апрыщенко В.Ю.
к.и.н., доцент кафедры
новой и новейшей истории
Южный федеральный университет

ТРАНСФОРМАЦИИ МИГРАНТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МОДЕРНИЗИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ

Современный период развития межэтнических отношений в России характеризуется повышением степени их конфликтности как на региональном, так и на локальном уровнях. Одна из причин подобной тенденции обусловлена развитием миграционных процессов, которое отличает массовость миграционных «антропотоков» XX – XXI вв., их стрессовый характер, этническая окраска миграционных процессов, и конфликтность взаимодействия между мигрантами и иноэтничной принимающей средой. В результате переселения идет процесс этнической эрозии локальных социумов, что приводит к напряжению в отношениях между местным населением и мигрантами, которые по этническим, расовым, конфессиональным, социальным, культурным параметрам могут существенно отличаться от «аборигенов». Эти напряжения, фиксируемые во всем мире, особенно опасны для многонациональной России, в истории которой можно найти не только позитивные примеры межэтнических взаимодействий.

Взаимоотношения между принимающими социумами и мигрантскими меньшинствами в значительной степени связаны с кризисом идентичности, который переживают как мигранты, так и принимающий социум. Его результатом, в свою очередь, становится обострение проблемы безопасности и необходимость поиска выхода из сложившейся ситуации. В этой связи изучению, очевидно, должны подвергаться не только социальные и экономические аспекты миграционных процессов, но и их восприятие в сознании как мигрантов, так и принимающей стороны. Думается, что значительные эвристические возможности в этом контексте несет категория «идентичность», а также связанное с ней понятие «кризис идентичности», которые способны принести новые аналитические приемы в изучение многих исторических и социальных явлений, в том числе и процессов миграции.

Несмотря на заметные концептуальные и терминологические различия в подходах к определению идентичности и ее исторических и социальных трансформаций, все теории имеют важную общую характеристику – главным предметом социальной реальности они считают не событие, а память об этом событии и ее трансформацию, реконструкцию, осуществляемую нынешними и последующими поколениями. В этом смысле, как подчеркивает Л.П. Репина, «вопрос о том, считать ли нам эту память исторически достоверной, оказывается менее важным, чем вопрос о том, считали ли они эту память верной.»¹ Иначе говоря, центр тяжести проблематики переносится на человеческие чувства, переживания и восприятия, а также факторы их изменений. Одновременно это выдвигало задачу пересмотра представлений о собственном историческом прошлом и социальном настоящем, что неизбежно должно было объяснить современную реальность.

Если при конструировании идентичности первостепенную роль играют представления о прошлом, основанные на его частичной мифологизации, то, переживая новый исторический опыт, общество сталкивается с необходимостью «создания» и нового образа «себя» в связи с этим событием.

В поисках выхода из кризиса, порожденного столкновением реальной действительности и исторического мифа, лежащего в основе всякой идентичности, общество создает некий новый нарратив, целью которого становится изменение исторического сознания. Нарратив, будучи средством преодоления кризиса и придания определенной целостности неким событиям прошлого и настоящего, в первую очередь, апеллировал к

---

¹ Репина Л.П. Образы прошлого в памяти и в истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени. М., 2003. С.14.

этому прошлому, стремясь объяснить его исходя из событий настоящего. В этом смысле, зависимость настоящего от прошлого является столь же очевидной, как и зависимость прошлого от настоящего.

На юге России кризис идентичности всё настойчивее ассоциируется именно с миграционными изменениями. В последнее десятилетие в Европе преобладает "секьюритизированный" (*securitized*) подход к миграционным потокам: достаточно напомнить, что, согласно Шенгенскому соглашению и Дублинской конвенции, беженцы и перемещённые лица упоминаются в том же проблемном ряду, что наркотрафик, преступность и терроризм.

Проблема кризиса идентичности, связанного с миграционными потоками приобретает особое значение не только потому, что, во-первых, современные средства коммуникации сделали ее решение более доступным, а, во-вторых, процесс глобализации, формирующий единое экономическое и политическое пространство, имеет и обратную сторону – локализацию. Для мигрантских сообществ характерно стремление не просто выжить в новых условиях, но сохранить собственную духовную традицию, составляющую основу идентичности.

В России ситуация осложняется именно тем, что принимающий социум находится в состоянии кризиса идентичности, связанного с модернизационными процессами, которые вызывают резкое изменение условий, уровня, ритма жизни, ломку сложившихся стереотипов у населения.

Для объяснения причин конфликтного взаимодействия в сфере миграции в период модернизационных процессов исследователи используют концепцию депривации.² Депривация – состояние, возникающее при явном расхождении между ожиданиями людей и возможностями их удовлетворения. Изменение депривации зависит от того, в каком отношении находятся ожидания, с одной стороны, и возможности их удовлетворения – с другой. Иными словами, очевидна связь между социальным контекстом и идентичностью, трансформирующейся в определенных социальных условиях.

Согласно данной теории, сохранение стабильного уровня депривации или снижение его ведет к созданию психологических условий, способствующих стабилизации морально-психологической атмосферы в обществе, ослаблению напряженности. Наоборот, усиление депривации порождает агрессивные реакции, которые обычно воплощаются в выступлениях, направленных против источников разочарования, подлинных или придуманных виновников бедственного положения. Она может реализовываться в поисках новых «козлов отпущения», которыми, в одних, случаях становятся мигранты, в других – лица, получающие «несправедливо много» за свой труд, в третьих, – органы власти и управления, чиновники. Иными словами, усиление депривации способствует росту напряженности и вероятности возникновения открытых социальных, политических и этнических конфликтов с участием мигрантов.³

Одной из острейших проблем миграции становится проблема адаптации приезжего населения, как хозяйственная, так и культурная. Однако механизм этой адаптации понимается по-разному местным и приезжим населением.

Степень адаптации мигрантов в новом сообществе определяется, главным образом, уровнем развитости модернизационных процессов. В условиях модернизации целый ряд отраслей хозяйства оказывается «выключен» из активного развития и мигранты способны заполнить их, тем самым, реализуя «феномен этнического предпринимательства».

В известной мере, вынужденная сегрегация тех или иных этнических общин в общественном мнении россиян трансформируется в подозрительность, обвинения в клановости, мафиозности, замкнутости. Эти настроения тем явственнее, чем более значима этнокультурная дистанция между этнической группой и местным населением. Отсутствие транспарентности взаимоотношений внутри этнической общины подпитывает

² Дмитриев А.В., Слепцов Н.С. Конфликты миграции. М., 2004. С.45.

³ Там же. С.46.

подозрительность и отторжение со стороны принимающего общества. Частота контактов местных жителей и вновь прибывших позитивно влияет на их взаимоотношения. Но для этого требуются годы и опыт многих поколений – по крайней мере, в местах компактного расселения этнических общин.

Опыт показывает, что, особенно первое время, использование новой ситуации, создавшейся в результате миграции, осуществляется как вынужденными мигрантами, так и местными жителями по-разному, что не позволяет говорить о стереотипах коллективного поведения, детерминированных миграцией. В результате большинство ожиданий вынужденных мигрантов при их перемещении на новое место жительства не подтверждается, и процесс «вживания» мигрантов в новые условия сопровождается проблемами и противоречиями, которые определяются снижением уровня жизни, социального статуса семьи и т.д.⁴

Неготовность людей к активной адаптации может быть объяснена многими факторами, как социального, так и собственно психологического порядка. Люди, вынужденно покинувшие места прежнего обитания или беженцы долго переживают беды, случившиеся с ними в прежнем месте проживания. К закономерным следствиям экстремальных условий в которых они оказались, относится возрастание межличностной напряженности, неоптимальные формы поведения в целом и неконструктивные приемы разрешения возникающих конфликтов в частности, неадекватное восприятие и оценка других людей, а также неверное представление о себе и своих возможностях, низкий уровень толерантности по отношению к окружающим и др. Особенно ранимы беженцы из «горячих точек», которые своими переживаниями хотят поделиться не только с такими же несчастными, как они, но и зачастую с незнакомыми людьми. В новых условиях мигранты и перемещенные лица сталкиваются с последствиями пережитого повсюду и видят его в самых разных проявлениях действительности. Зачастую вынужденный мигрант по сути начинает новую жизнь. Он вырабатывает совершенно другое отношение и к себе, к своему внутреннему Я, и окружающему миру. Иными словами, проблема переносится в сферу психологии. Поведение такого человека, переселившегося в чужеродную и, часто, отнюдь недружественную среду, отличается повышенной возбудимостью, агрессивной реакцией на раздражители, трудностью в налаживании контактов.

Полноценное развитие и обустройство этих граждан на новом месте может происходить только во взаимоотношениях с обществом. Требование предоставления необходимых преобразований должно, таким образом, предъявляться и обществу, его коллективному сознанию, а также отдельным гражданам.⁵ Однако в условиях, когда само принимающее общество состоит из граждан с размытой идентичностью, столкнувшихся со множеством социальных проблем, вызванных модернизацией и ломкой устоявшихся стереотипов сознания и поведения, толерантность по отношению к приезжим очень часто не является доминантой поведения. Это становится фактором роста антимиграционных настроений и, в свою очередь, провоцирует меры по ограничению притока мигрантов.

Для южных районов России, столкнувшихся с массовым притоком беженцев из республик бывшего СССР, эта проблема является одной из наиболее актуальных. Резкое увеличение потока вынужденных переселенцев совпало с тем, что донское казачество, переживая постсоветское возрождение, столкнулось с проблемой этнической мобилизации, которая, по мнению лидеров казачества, должна обеспечить защиту «интересов славянского населения, угроза которому исходит от многочисленных мигрантов».

Даже поверхностный взгляд на манифест показывает, что казачество видит угрозу собственной идентичности, провозглашая несовместимость сосуществования донского населения и мигрантов. Таким образом, в конструировании идентичности используется мифологема о «славянском казачестве», противостоящим мусульманам. При этом в качестве решающих выдвигаются экономические и социальные аргументы.

⁴ Дмитриев А.В., Слепцов Н.С. Конфликты миграции. М., 2004. С.86-87.

⁵ Дмитриев А.В., Слепцов Н.С. Конфликты миграции. М., 2004. С.92.

Хотя факторы роста этно- и мигрантофобий не могут быть объяснены однозначно, можно с уверенностью говорить о том, что они, как и все фобии, производны от страхов утраты «ресурсов» и «утраты собственной идентичности».⁶

Особым фактором, оказывающим непосредственное влияние на идентичность, связанную с миграционными процессами, является тесная обусловленность проблем идентичности с состоянием безопасности в регионе. Другими словами, ощущение внешней угрозы является важнейшим фактором, влияющим на конструирование идентичности. Вновь прибывшие мигранты зачастую рассматриваются, как потенциальная угроза безопасности коренного населения.

Решением проблемы идентичности приезжих может быть «стратегия десекуритизации» (*de-securitization*), которая исследователями видится с разных и, порой, противоположных позиций. Так одни предлагают вариант «фрагментации идентичности приезжих» (то есть репрезентации мигрантских сообществ, как состоящих из разнородных этно-культурных групп), что неизбежно будет разрушать исконную идентичность приезжих. С другой стороны, конструирование неконфликтного образа мигрантов возможно и путем создания их диаспорных сообществ, которые будут способствовать экономической и психологической адаптации приезжих, ведь диаспора определяет не только статус мигрантской этногруппы, обеспечивает поддержку и т.д., но и обуславливает уровень конфликтности между мигрантами и принимающей средой.

Однако очевидно и другое. Формирование новых идентичностей, как в среде мигрантов, так и у резидентов, может быть успешно реализовано лишь через признание общих ценностей, взаимное узнавание и создание на этой основе механизма управления интеграционными процессам, иными словами, на микроуровне. При этом стоит заметить, что микроуровень предполагает взаимодействие на межличностном и групповом уровнях.

---

⁶ Левада Ю.А. От мнений к пониманию: социологические очерки 1993-2000. М., 2000. С. 167.